

Назар Шохин
(псевдоним
узбекского писателя
и журналиста
Баходира Ергашева).
Родился (1962) в
Бухаре (Узбекистан).
Окончил Ташкентский
государственный
университет.
Публиковался
в России,
США, Швеции,
Таджикистане...

Назар Шохин

Уроки ТЮРКСКОГО

рассказ

161

Муаллиме¹
Сафие Валиевне
Мустафиной

ПОЧЕМУ готовящимся в мир иной так хочется встретить там любимых учителей? Очевидно, не за знания вовсе – за терпеливо преподанные уроки, глубокий смысл которых постигаешь с течением времени.

Я пошёл в школу в сорок третьем году. Правильнее сказать, я стал первоклассником совсем поздно: овдовевшая мать сама сгорела заживо от неосторожного обращения с пламенем тандыра²; стремительно редевшим от войны троюродным родственникам было не до учёбы сироты; сестра на свой страх и риск привезла в отстоявший за сорок километров от нашего кишлака³ город. Так, в девять лет началась моя новая, почти самостоятельная жизнь.

Сестра работала на эвакуированном из России велосипедном заводе, снимала комнату в общем дворе. Без погибшего мужа еле сводила концы с концами, но всё-таки сделала самое лучшее для меня в своём тогдашнем положении – пристроила в начальную мужскую школу, где учились отпрыски партноменклатуры.

Школа была самая современная – здание под сталинский ампир, с большими, светлыми классами, актовым и спортивным залами. Здание, очевидно, намеренно воздвигли около древнего медресе⁴, подчеркнув, кто в новой жизни хозяин. Из школьных окон открывалась широкая панорама рощи вечнозелёной туи⁵. Не знал я тогда, что обитель эта станет мне дороже отцовского дома.

Меня определили в группу, где детей учила бежавшая от поволжского голода немолодая татарка. Она преподавала достаточно давно и славу лучшего

¹ Муаллима – учительница.

² Тандыр – глиняная печь для изготовления лепёшек.

³ Кишлак – село.

⁴ Медресе – исламское учебное заведение.

⁵ Туя – хвойное вечнозелёное дерево семейства кипарисовых с мелкими чешуйчатыми листьями.

педагога-«начальника» приобрела невероятную. К ней стояла очередь, брали не всех; по крайней мере, жителей кишлаков в списках не было – я стал у неё первым, да ещё и великовозрастным, сельчанином. Позже я понял, что сестра своим выбором не только школы, но и учителя, дала мне первый в жизни, изменивший всю мою судьбу толчок.

* * *

Грамота на первых порах давалась мне трудно. Особенно не ладилось с пересказом. Я легко осваивал буквы латинского алфавита, прекрасно справлялся с правописанием, но трудно усваивал словосочетания. Муаллима, слушая меня, хмурила брови, становясь строже, чем к кому-либо. Снова и снова, терпеливо она показывала ручкой и повторяла группы слов, – я, однако, терялся, язык у меня деревенел и отказывался подчиняться. Всё было впустую.

Двоек становилось больше. Меня мучила неведомая ранее дикая тоска, одолевали мрачные, безотрадные думы, всё сильнее тянуло назад, в кишлачный двор. Хотелось только одного, мечталось об одном – домой и домой. Тут, в городе, было скучно: белые люди, скудные огороды, невспаханная земля...

Едва кончались неудачные уроки, как мне хотелось отыграться на сверстниках – изнеженных, хилых, никогда не знавших тумачков. Сначала пинков получил одноклассник. Затем пошли подзатыльники то одному, то другому, и, наконец, драки. У меня появился свой расчёт, свой азарт: выигрывать постоянно, каждый день. Одна мысль, что я побеждаю, прибавляла мне силы и смиряла неудачи в учёбе. Мне стало казаться, что и не двоечник я больше.

Где-то месяца через три я вывел на перемене во двор троих ослушавшихся меня ребят и стал бить их по очереди, сначала одного, потом второго. Третий попытался выкрутиться, но и его руки покрылись синяками. Жалости не было никакой, думал только, как добить свои жертвы. В тот день не было и не могло быть во всём белом свете человека счастливее меня.

На следующее утро Сафия Валиевна вошла в класс, поздоровалась и до того, как посадить всех, последовала привычке осмотреть каждого. И избитых троих ребят, конечно, увидела сразу.

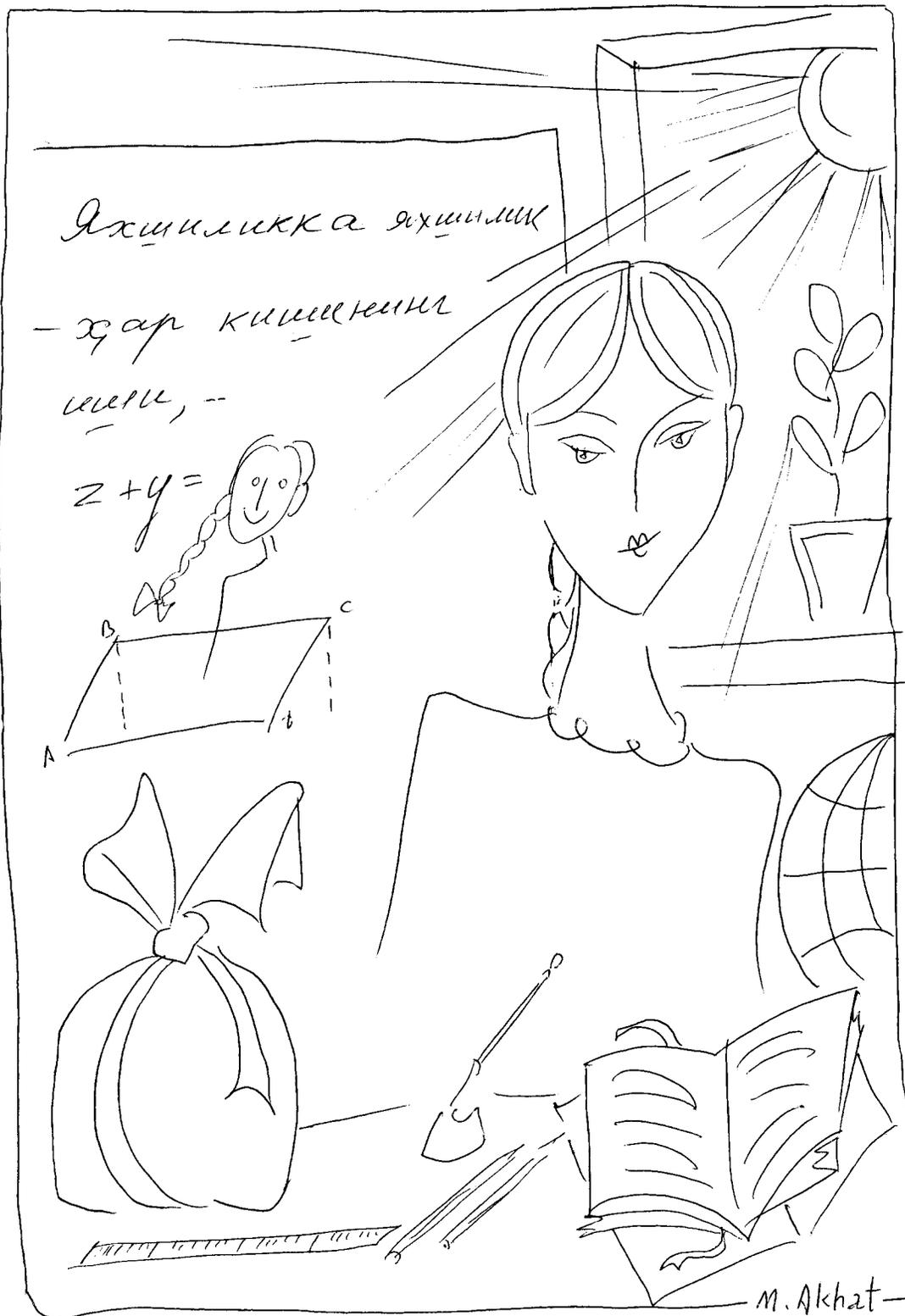
– Ильясов, выйди к доске, – не удивляясь, и не меняя спокойного тона, сказала учительница. – Возьми в руки мел, раз уж ты один без царапин, и приготовься отвечать.

Муаллима заставила меня семь раз, громко и внятно повторить пословицу «Яхши билан юрсанг етар муродга, ёмон билан юрсанг – коларсан уятга»¹.

Повторяя, под напряжённым взглядом всего класса эту самую сложную в моей жизни тираду, весь красный, я чувствовал, как потею, и как меня заземляло. А приземлять было что: перед классом стоял широкоплечий, ещё вчера вконец обнаглевший мальчишка, с начавшими искать для своих рук и ног всё новые жертвы.

Я ещё раньше замечал, с какой осторожностью муаллима следила за моими ладонями – сегодня становилось ясно, что они перестанут быть для неё головной болью. Здесь, в помещении, а не на улице, она, свернув мою злую волю, стала творить из меня нового человека. Она ловко навязала мне свои правила человеческой конкуренции. Теперь, похоже, она взялась за меня по-настоящему.

¹ «С хорошим поведёшься – все твои мечты сбудутся, с плохим поведёшься – навек осрамишься».

Муаллима села за стол, пододвинула к себе классный журнал. Затем, словно передумав, отодвинула его. Двойки в журнале не появилось – да лучше б она была.

Вырвавшийся на перемену ученик Ильясов стоял у окна на перемене как вкопанный. «Погодите, придут ещё деньки, стану и я самым грамотным. Станете за мной ходить по пятам: «Товарищ Ильясов, не будете ли столь добры, не подпишите ли бумаги?» Лебезите, лебезите на здоровье! Да только я буду главным агрономом, буду командовать бригадами трактористов. А вы все, просиживайте штаны в своих школах и институтах! Представляйте себе: вырос здоровый мужчина: сам из кишлака, учился в городе, работает в столице. Наглухо застёгнутый, оттопыривающийся тёмный френч, во рту – папироса высший сорт».

С такой вот гневной речью, я намеревался сбежать в родной кишлак. К счастью, духа хватило. И даже силы прибавились. Строчки про доброту всё больше обволакивали меня, отвлекая от пинков, подзатыльников и драк, они заставляли смотреть по-иному на своих сверстников.

В Бухаре говорили «икая», тягуче подчёркивая «и», а у муаллимы все персоподобные длинные «и» заменялись на тюркоподобные «ы». По-узбекски она разговаривала с едва заметным акцентом, однако фразы строила правильно, а словарный запас имела такой, что позавидовал бы иной коренной носитель. От более чистого тюркского наречия учительницы-татарки исходило что-то особое, арифметически выверенное, неподвластное любому-каждому.

Ей тогда было, наверное, за тридцать пять или около того; я хорошо помню её белое, круглое, скуластое лицо со светло-коричневыми глазами; редкую, освещающую весь класс улыбку; совершенно необычные для этих мест русые волосы; крупные гранатовые серьги. Теперь я думаю, что она не была старой девой, и её муж, скорее всего, тоже погиб на фронте.

* * *

Весной, после удачной третьей четверти и накануне Навруза¹ муаллима позвала меня помочь разнести подарки. «Углим², давай навестим всех близких, вдов и больных. Это савоб³ в праздничный день».

Идти по домам вместе с наводившей страх учительницей? Ничего себе! Давно ли я смеялся над поверженными, а теперь ставший самым главным человеком в моей жизни доверчиво просит, чтобы я помогал им и навещал их. Надо же, какие сюжеты закручивает жизнь, нарочно не придумаешь!

Мой мир переворачивался ещё раз – не иначе. Такая жизненная дорога пугала, и я не знал, как вести себя, и, более того, как буду жить дальше. Жизнь казалось мне более тяжёлой, но абсолютно верной.

В дождь мы обошли вместе почти половину маленького городка.

На последней улочке муаллима, ободряюще похлопав меня по плечу, передала свёрток. Подарок ли это был к празднику, просто знак особого внимания, или плата за сегодняшний труд, я не знал. До того я всегда думал, что всегда занятая школой учительница, как все мы, питается обыкновенной едой, пловом, например. Заглянув же в свёрток, я обомлел: там были неведомые, свежие, домашние печёные яства. На самой упаковке было выведено знакомым

¹ Навруз – праздник весеннего равноденствия; отмечается 21 марта.

² Углим – сын мой.

³ Савоб – благодеяние.

красным каллиграфическим почерком: «Яхшиликка яхшилик – ҳар кишининг иши, ёмонликка яхшилик – эр кишининг иши»¹.

Вот это да! Так вот что такое «муаллима»! Все судачили о скудном дастархане² её дома, а она уверяет, что даже в военное время голод не препятствие для праздника. Делиться с бедными, угощать гостей, радоваться вместе... Эту науку мне преподала муаллима. А приложенное к подарку тюркское двустрочие? Так сам станешь забывать, что давно не ел досыта, и следить за тем, чтоб не голодали другие. Ну и ну! Сафия-ая³ – это сама доброта, и мне это сегодня стало окончательно ясно. Стало в её облике что-то родное. Материнское.

Яства было жалко есть. Я причмокивал, предвкушая удовольствие, но донёс подарки до дома. Голод в сорок четвёртый год ещё не отпустил, денег у нас не водилось, а нас во дворе было много. И сестра, наперекор себе, разделила печёное на мелкие кусочки и раздала соседям.

* * *

Летом завод сестры вместе с персоналом перевели в столицу. Переехал в Ташкент и я. На вокзале меня провожали одноклассники. В том числе и те, кто получал от меня тумачков.

С тех пор прошло много лет. Больше муаллиму я никогда не видел. Я жил не тужил, шагая вперёд по жизни безоглядно. Будущее порадовало меня аттестатом и дипломом, куском хлеба на столе, доверчивой женой.

Уже много позже, сочащий мёдом чак-чак и дурманящие беляши стали готовить практически во всех узбекских домах, в том числе и моём.

Припоминая их особый вкус, вспоминаешь и о первой учительнице, её уроках.

г. Ташкент

¹ «Отвечать добротой на благодеяние – обязанность, добром на зло – мужество».

² Дастархан – скатерть, используемая во время трапез; сервированный стол.

³ Ая – обращение к матери.